

Накануне они трудились целый день, так что мышцы ломило. На следующее утро Нин Гуйчжу совсем не хотелось вставать. Спать он уже не мог, просто не хотелось подниматься.

Сюн Цзиньчжоу естественно сказал:

— Тогда полежи ещё. Я приготовлю завтрак, а потом поедим, и я тебя свожу погулять вокруг, хорошо?

Нин Гуйчжу лежал у него на груди, представил себе это и энергично кивнул:

— Хорошо!

Увидев, что он оживился, Сюн Цзиньчжоу ещё раз его обнял и только потом с неохотой поднялся, чтобы заняться завтраком. Он уже не раз наблюдал, как готовит Нин Гуйчжу. Сложное не умел, но простое вроде поджарить мясо и сварить лапшу вполне мог.

Обжарил солонку из вяленого мяса, налил в котёл воды. Пока она закипала, промыл собранную зелень, обдал её горячей водой, затем отправил в котёл и засыпал заранее нарезанную лапшу. Лапша закипела, перекатываясь в бурлящей воде. Сюн Цзиньчжоу внимательно следил за процессом, время от времени зачерпывал немного бульона и пробовал на соль - так повторил несколько раз, прежде чем угадал с количеством.

Соевого соуса он при жарке добавил чуть больше, поэтому бульон уже имел насыщенный цвет. Подумав, он решил не добавлять ещё, как это обычно делал Нин Гуйчжу.

Когда Нин Гуйчжу, умывшись, сел есть, и услышал об этом, он не удержался и рассмеялся:

— Это не так важно, вкус от этого не меняется. Делай как тебе удобно, не бойся экспериментировать.

Такие тонкости важны для сложных блюд, а не для их нынешней простой еды.

Сюн Цзиньчжоу немного смутился, но серьёзно кивнул:

— Понял.

После завтрака они отправились во двор кормить собак и мула. Ещё не успели закончить, как снаружи раздались детские голоса:

— Дядя! Дядя! Мы пришли ловить жуков для цыплят и утят!

Ну эти трое... Сюн Цзиньчжоу с улыбкой поднялся:

— Пойду открою.

Когда он скрылся за углом, Нин Гуйчжу потрепал по голове Эрцяя:

— Пойдём тоже посмотрим.

Во дворе трое детей стояли, задрав головы, и хором заявили:

— Дядя сказал, если мы будем хорошо кормить цыплят и утят, когда они вырастут, яйца тоже будут наши!

Сюн Цзиньчжоу: ...

— Я это говорил, — с улыбкой подтвердил Нин Гуйчжу, выходя следом. — Но почему вы вдруг снова об этом вспомнили?

Сюн Чуаньшуй громче всех выпалил:

— Потому что дядя спросил, почему мы сегодня опять пришли!

Сюн Цзиньбо и Сюн Иньин тут же закивали:

— Да-да! Вчера же, когда мы приходили, он не спрашивал!

Конечно, потому что вчера было не до этого, дел по горло. А сегодня хотелось провести время вдвоём.

Сюн Цзиньчжоу неловко почесал нос и, недовольно растрепав им волосы, поспешил сменить тему:

— Идите-идите, ловите своих жуков! Уже и спросить нельзя, какие вы вспыльчивые стали!

Дети в изумлении распахнули глаза.

Нин Гуйчжу с улыбкой слегка хлопнул его:

— Где ты тут увидел вспыльчивость? Они просто громко ответили.

А потом обратился к детям:

— Идите, спасибо вам.

Те уже было надулись, но, услышав его, сразу снова стали послушными и, подражая взрослым, хором ответили:

— Да не за что!

Троица, взявшись за руки, убежала. Сюн Цзиньчжоу же поймал руку Нин Гуйчжу, чуть притянул его к себе и, нарочито нахмурившись, проворчал:

— Ты их больше любишь.

— Ничего подобного, — Нин Гуйчжу потер ему ухо. — Это из-за тебя я к ним так хорошо отношусь.

Стоило ему это сказать, как Сюн Цзиньчжоу тут же не удержался - лицо его расплылось в улыбке. Он переплёл их пальцы и взгляд его невольно скользнул к губам Нин Гуйчжу. Поймав этот взгляд, Нин Гуйчжу покраснел. Лёгкий, почти невесомый поцелуй коснулся губ. Они оба поспешно отвели глаза и почти одновременно кашлянули:

— Пойдём?

— Ты же хотел меня отвести?

Замолчали и переглянулись.

Нин Гуйчжу не выдержал и рассмеялся, слегка подтолкнув его:

— Я возьму корзину и нож.

— А? — Сюн Цзиньчжоу поспешил за ним. — Мы же не работать идём, зачем это?

— А вдруг что-нибудь найдём, будет куда сложить, — ответил Нин Гуйчжу, кладя тесак в корзину.

Раз уж он так решил, Сюн Цзиньчжоу перехватил корзину раньше него и взял его за руку другой рукой. Попрощавшись с детьми, которые во дворе играли и одновременно ловили жуков для цыплят и утят, Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу вышли из дома, прикрыли за собой калитку и, проходя через передний двор, заглянули к Лю Цюхун, чтобы предупредить.

Ведь в заднем дворе оставались только дети да скот с птицей, а два щенка ещё слишком малы, чтобы сторожить - нужно было, чтобы взрослые присматривали.

Лю Цюхун кивнула, давая понять, что всё поняла, и, увидев, что они держатся за руки, с улыбкой спросила:

— Куда это вы собрались?

Нин Гуйчжу смутился, и Сюн Цзиньчжоу ответил за него:

— Хочу пройтись с Чжу-гером. Вчера целый день работали, сегодня решили отдохнуть.

Лю Цюхун нахмурилась. Для крестьян понятия «отдых» почти не существовало: есть работа - уже хорошо, а вот если её нет - вот тогда беда. Но, взглянув на них двоих, таких подходящих друг другу, она подавила недовольство и сказала:

— Тогда идите. Только в горы не заходите - то, куда ты можешь, для Чжу-гера может быть опасно.

— Понял. Мы пошли.

Сюн Цзиньчжоу махнул матери и, взяв Нин Гуйчжу за руку, повёл его к реке:

— Пойдём вдоль реки - там дальше есть горный ручей. Оттуда можно зайти в горы, но неглубоко, просто у края побродим. Если потом пойдёшь один, ходи только там, где я тебя водил.

— Угу, — кивнул Нин Гуйчжу, но, обернувшись, всё же спросил: — Мама... кажется, расстроилась?

— Конечно, — совершенно спокойно ответил Сюн Цзиньчжоу. — Мы же не делом занимаемся, она наверняка нас сейчас про себя ругает.

Он вдруг наклонился и быстро чмокнул Нин Гуйчжу в щёку:

— Зато ты у неё в почёте, сегодня даже меня не ругала.

— ...

Нин Гуйчжу прикрыл ладонью место поцелуя, огляделся, убедился, что рядом никого нет, и с лёгкой досадой сказал:

— Если знаешь, что ей это не нравится, зачем сразу говорить, что мы идём гулять?

— А что тут такого?

Сюн Цзиньчжоу вдруг заметил красивую птицу, потянул его за руку, показывая, и понизил голос:

— Мама не любит, когда врут. Если сказать прямо, что идём гулять, она максимум немного поворчит. А если соврать, потом три дня спать не сможет от злости.

— А... тогда и правда лучше честно, — признал Нин Гуйчжу.

Но в душе у него всё равно оставалось беспокойство: а вдруг Лю Цюхун станет относиться к нему хуже? Он не привык терпеть несправедливость, если это начнётся, его спокойная жизнь может закончиться.

Птица, заметив их взгляды, вспорхнула и улетела. Сюн Цзиньчжоу отвёл взгляд и, заметив рассеянность Нин Гуйчжу, догадался, о чём тот думает, и с улыбкой сказал:

— Не переживай. Мы уже женаты, если только дело не касается выживания, мама не будет вмешиваться в нашу жизнь.

— Правда? — удивился Нин Гуйчжу.

В современном мире и то полно случаев, когда свекровь вмешивается и рушит брак. А Лю Цюхун, будучи женщиной из древности, оказывается, мыслит куда свободнее?

Но если подумать...

Нин Гуйчжу припомнил - и правда, с тех пор как они поженились, Лю Цюхун ни разу не вмешивалась в их жизнь. Даже то, что они часто едят мясо, она лишь иногда ворчит, и на этом всё.

Сюн Цзиньчжоу, решив, что он просто не понимает, пояснил:

— Маму в своё время бабушка сильно притесняла, она часто из-за этого с отцом ругалась. Когда старший брат женился, она сразу сказала, что не будет лезть в жизнь молодых.

В мире хватает историй, когда тот, кто страдал, потом сам становится таким же. Услышав это, Нин Гуйчжу тихо сказал:

— Мама у тебя сильная.

Сюн Цзиньчжоу улыбнулся:

— Угу.

Он слегка покачал их сцепленные руки:

— Теперь не переживаешь?

Нин Гуйчжу улыбнулся и кивнул.

— Тогда пойдём быстрее гулять, — Сюн Цзиньчжоу ускорил шаг, а когда Нин Гуйчжу догнал его, снова пошёл рядом, не спеша.

Одно и то же место выглядит по-разному когда идёшь работать и когда просто гуляешь. Река, протекающая через деревню, была спокойной. У берега лежали большие, ровные камни. На них сидели женщины и геры, выбивая одежду палками. В стороне, на разбросанных участках полей, человек десять пропалывали траву. Нин Гуйчжу и Сюн Цзиньчжоу прошли мимо, держась за руки. Их неторопливость слишком бросалась в глаза - люди невольно поднимали головы, переговаривались вполголоса.

То ли люди здесь и правда были доброжелательные, то ли всех сдерживало присутствие Сюн Цзиньчжоу, но взгляды были скорее мягкими, без злобы.

Когда молодые отошли подальше, разговоры стали громче:

— Вот уж любит Сюн-батоу своего фулана... даже на людях за руки держатся. Видели? Он споткнулся о камешек, так сразу поддержал. Эх, молодость... смотришь, и самой неловко становится.

— Такой красавец, да ещё и с умениями - не то что Сюн-батоу, будь это у меня, я бы тоже его на руках носила и уговаривала каждый день.

— Ты, женщина, ну и мечтательница...

Та упёрла руки в бока и с вызовом обратилась к остальным:

— А вы скажите честно, если бы вдруг была возможность, вы бы хотели?

Женщины переглянулись и расхохотались, но ни подтвердить, ни отрицать не стали.

Женщина ведь тоже может взять в мужья гера, но если такие разговоры дойдут до ушей Сюн-батоу ... с его-то отношением к фулану, он точно придёт разбираться.

Смех донёсся до полей. Один из мужчин, чья семья была среди этих женщин, нахмурился, фыркнул и, опустив голову, продолжил работать, делая вид, что ничего не слышал. Остальные переглянулись и тоже завели разговор, но уже на более безопасную тему.

Про то, что обсуждали у реки, говорить не решались - за такое и впрямь можно было получить от Сюн Цзиньчжоу.

— Слышал, у жены... то есть у Сюн-фулана, руки к бамбуку приспособлены. Все эти стволы они таскают, чтобы он в доме вещи мастерил.

— Да он с виду такой нежный, откуда у него силы на такую работу?

— Сам сходи за дом Сюн посмотри. Я вчера издалека видел - у них во дворе полно новых вещей, а спереди ещё и корзины стоят, что-то сушат. Ты же знаешь, какой раньше был младший Сюн - у него бы ничего такого не появилось. Это точно новый фулан всё сделал.

Вещи ведь лежат на виду, и никто не слышал, чтобы Сюны нанимали мастера - вывод напрашивался сам собой.

Кто-то не удержался и с завистью сказал:

— А ведь раньше думали, что младший Сюн так и останется один. А тут будто с неба ему фулан свалился: и зарабатывать умеет, и дом ведёт.

Ремесло плетения тоже деньги приносит - корзина стоит десять-двадцать монет, а что покрупнее - ещё дороже. В поле работы не так уж много: закончил - и ищи, чем заняться. А если есть такое умение, то и в свободное время можно подзаработать, поддержать семью.

Разговор становился всё кислее - каждый в душе думал о том, как было бы хорошо самому уметь плести из бамбука. Но эти мысли не долетали до тех двоих, что уже ушли далеко.

Нин Гуйчжу взял у Сюн Цзиньчжоу горсть диких ягод саньюэпао и отправил одну в рот. Стоило слегка прикусить, тонкая кожица лопалась, и во рту разливался вкус: сладкий с лёгкой кислинкой. Такой простой вкус, но в конце весны он запоминался особенно ярко.

На ветке ягод было немного. Сюн Цзиньчжоу собрал всё, каждую разломил, проверил и только потом отдал Нин Гуйчжу.

Тот, заметив это, взял одну ягоду и поднёс к его губам:

— Ты тоже попробуй.

— Я такое не люблю, — сказал Сюн Цзиньчжоу.

Но всё равно открыл рот и съел. Нравится или нет - неважно. Это же Чжу-гер его кормит.

Нин Гуйчжу, конечно, не знал, что у него в голове. Он решил, что тот просто уступает ему, и внутри стало тепло. Он съедал одну ягоду и тут же кормил другой Сюн Цзиньчжоу, пока они не разделили всё до последней.

Шли они не по обычной деревенской дороге - вокруг густо росла трава. Пройдя немного, Сюн Цзиньчжоу увёл его на более ровную тропу. Пройдя через рощу, Нин Гуйчжу увидел небольшую равнину с ручьём. Вода текла из глубины гор, чистая и полноводная. По всей поляне лежали камни, а неподалёку возвышались невысокие скальные выступы - очевидно, камни здесь копились веками, обрушиваясь сверху.

— Чжу-гер, ты пока тут погуляй, а я пойду ветки найду - рыбу ловить, — сказал Сюн Цзиньчжоу, помогая ему спуститься по склону.

Помолчал и добавил:

— Только далеко не отходи. Держись там, где я тебя вижу.

Обычно здесь не было опасных зверей... но мало ли.

Нин Гуйчжу с улыбкой пообещал:

— Ни на шаг отсюда не уйду.

Только после этого Сюн Цзиньчжоу спокойно отправился искать сухие ветки. Нин Гуйчжу немного побродил вокруг и вдруг, подняв голову, заметил невысокое дерево. Он моргнул раз, потом ещё раз, подошёл ближе и внимательно присмотрелся.

— Это... похоже на коричневое дерево?

— Что там? — Сюн Цзиньчжоу заметил, что он остановился, и подошёл.

Нин Гуйчжу указал на дерево:

— Похоже на корицу. Давай снимем немного коры - с ней мясо тушить очень ароматно.

Стоило прозвучать слову «есть», как Сюн Цзиньчжоу тут же сунул ему ветки, схватил нож и полез вверх по склону. Нин Гуйчжу поспешил подойти ближе и встал снизу, страхуя его, и только когда тот уверенно закрепился наверху, сказал:

— Аккуратно, только кору снимай, сам ствол не повреди.

— Понял.

Сюн Цзиньчжоу стал работать осторожнее. Несколько раз провёл ножом, прежде чем смог надрезать кору так, чтобы её можно было поддеть, затем продолжил разрез вниз. Нин Гуйчжу внимательно следил снизу и, когда кусок получился подходящего размера, остановил его.

Сюн Цзиньчжоу спустился, протянул кору:

— Посмотри, это точно она?

— Да, это она.

Нин Гуйчжу с радостью осмотрел находку, положил корицу в корзину и, обдумывая, как её обработать, пошёл вместе с ним к ручью.

Ручей был неглубокий, но рыбы в нём оказалось много. Правда, видно, что их здесь часто ловят - рыба была осторожной. Сюн Цзиньчжоу стоял на камне довольно долго, прежде чем заметил медленно проплывающую крупную рыбину. Он прицелился и резко вонзил палку. Раз - мимо. Второй раз - тоже. А вот на третий раз на острие уже трепыхалась жирная рыба.

Нин Гуйчжу тут же захлопал в ладоши:

— Вот это да!

Сюн Цзиньчжоу едва сдержал улыбку.

С ножом под рукой они сразу разделали рыбу, внутренности завернули в листья и убрали в корзину, после чего пошли дальше.

Обойдя окрестности и показав Нин Гуйчжу безопасные места, куда можно ходить одному, Сюн Цзиньчжоу вывел его из леса, и перед ними уже оказался задний двор их дома.

Трёх детей дома уже не было, собаки тоже куда-то пропали. Куры и утки лениво бродили в загоне, совершенно не обращая внимания на людей. Лишь их мул по кличке Маньтоу пару раз фыркнул скорее для виду, чем по-настоящему приветствуя хозяев.

Они вошли во двор. Нин Гуйчжу занялся корицей, а Сюн Цзиньчжоу выбросил рыбы внутренности в загон к птице и вернулся во двор чистить рыбу от чешуи. Нин Гуйчжу тщательно очистил кору коричневого дерева от грязи и остатков, нарезал её на небольшие кусочки, освободил место в плетёном подносе и разложил корицу сушиться. Когда он обернулся, Сюн Цзиньчжоу уже закончил с рыбой и как раз спросил:

— Это можно пока в шкаф убрать?

— Конечно, — небрежно ответил Нин Гуйчжу. — Вечером потушим.

День был редким выходным, развлечений никаких, и Нин Гуйчжу просто разминался во дворе. Вдруг он вспомнил о чём-то и быстрым шагом направился на кухню. Сюн Цзиньчжоу как раз выходил оттуда, и они едва не столкнулись. Он вовремя подхватил Нин Гуйчжу, который чуть не потерял равновесие, и спросил:

— Ты что задумал?

— Дрожжи! — Нин Гуйчжу, не отпуская его руку, потянул внутрь. — Я ведь хотел сделать, но потом начал ездить в уезд преподавать ткачество и забросил.

Сюн Цзиньчжоу вспомнил:

— А это для чего?

— То же самое, что закваска для теста, чтобы булочки и маньтоу получались пышными, — объяснил Нин Гуйчжу, показывая руками.

— А, закваска.

Услышав это слово, Нин Гуйчжу понял, что «дрожжи» - это уже более современное название, и энергично кивнул, соглашаясь.

Способов сделать закваску он знал два, поэтому, готовясь заранее, он разделил тесто на две части и стал выращивать закваску разными способами.

В одной миске закваска была жидкой и густой, её подкармливали мукой каждые два-три дня. В другой - плотным тестом: сначала тоже добавляли муку, но после того как закваска становилась вязкой, муку заменяли на ошпаренную и остуженную кукурузную.

Нин Гуйчжу взял обе миски, Сюн Цзиньчжоу - нож и вощёную бумагу, и вместе они вышли из кухни в главную комнату. Эту комнату они почти не использовали, как раз удобно для сушки закваски.

— Цзиньчжоу, освободи пару подносов, — сказал Нин Гуйчжу.

Подносы сейчас были заняты дикой зеленью, которую они понемногу собирали каждый день и раскладывали сушиться. Сюн Цзиньчжоу поставил вещи, взял два подноса из кучи бамбука и пересыпал с них зелень на другие. Когда всё было готово, Нин Гуйчжу разложил вощёную бумагу, вылил на неё жидкую закваску и тыльной стороной ножа аккуратно разровнял тонким слоем, после чего переложил бумагу на поднос и взял следующий лист.

Бумагу Сюн Цзиньчжоу купил поштучно, и сейчас это оказалось очень удобно: закваску было легко распределять ровно. Небольшой миски хватило ненадолго - вскоре всё было готово. Они перевернули табуреты и поставили подносы в угол комнаты.

Затем занялись второй тестообразной закваской.

— Ой, — вдруг сказал Нин Гуйчжу.

— Что? — спросил Сюн Цзиньчжоу.

— Я забыл поставить воду греться.

Сюн Цзиньчжоу убрал нож и оставшуюся бумагу, усмехнулся:

— Так поставим сейчас. Всё равно сегодня никуда не спешим.

— Ну да, — согласился Нин Гуйчжу.

День был солнечный. Они не стали стоять у печи, а вынесли табуреты под навес и, греясь в мягком тепле, лениво переговаривались. Когда вода закипела, они ошпарили кукурузную муку, разрыхлили её и оставили остывать, затем вмешали в закваску и тщательно вымесили. Готовое тесто оставили бродить на полчаса. На свободный поднос постелили бумагу, и когда закваска подошла, её разломали на кусочки, разложили и тоже поставили в угол сушиться.

— Теперь остаётся только ждать, — сказал Нин Гуйчжу, глядя на два подноса. — Та, что тонким слоем, высохнет, и её можно будет сразу убрать в банку. А эта, из теста, толще, её потом ещё придётся раскрошить и досушить пару дней.

Без холодильника всё обязательно нужно полностью высушить, прежде чем убирать на хранение.

Сюн Цзиньчжоу обнял его сзади, бросил взгляд на два подноса, запоминая всё про себя, и тихо спросил, повернув голову:

— Не устал?

— Да это совсем не тяжело, — Нин Гуйчжу чуть сильнее прислонился к нему. — Просто я сам не могу сидеть без дела.

Сюн Цзиньчжоу с улыбкой покачал головой, слегка упёрся подбородком ему в плечо и вдруг предложил:

— Хочешь, я тебе разомну? Полегче станет.

Глаза Нин Гуйчжу загорелись:

— Ты и это умеешь?

— В армии немного научился у товарищей. Немногое, только руки и ноги разминать.

— Этого вполне хватит.

Нин Гуйчжу тут же потянул его за собой в спальню.

<http://bllate.org/book/14958/1611573>